
РЕЦЕНЗИИ

А. М. КАМЧАТНОВ

КАК УЛОВИТЬ НЕУЛОВИМОЕ?

Рецензия на:

В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов.

«Словарь русской ментальности».

В 2-х тт. СПб.: «Златоуст», 2014

Конечной целью всякой лингвистической работы является создание одной из двух книг: грамматики или словаря. Не каждому лингвисту, как бы ни были важны его книги и статьи, удастся это сделать — В. В. Колесову и его сотрудникам это удалось. Появлению словаря предшествовала длительная исследовательская работа профессора Колесова над теоретическим осмыслением того, что же представляет собой ментальность как лингвистическая категория, а также накопление языкового материала из всей глубины существования русского языка. Начало было положено книгой «Мир человека в слове Древней Руси» (Л., 1986), затем наступило некоторое затишье, во время которого шел очень сложный подземный процесс вызревания совершенно новых идей и который и вылился в колесовский big bang: в течение нескольких лет одна за другой стали выходить книги одна интереснее другой: «Русская речь вчера, сегодня, завтра» (1998), «Жизнь происходит от слова...» (1999), фундаментальная «Философия русского слова» (2002), «Слово и дело» (2004), «Реализм и номинализм в русской философии языка» (2007), «Русская ментальность в языке и тексте» (2007), венцом которых и стал рецензируемый словарь. Само название книг дает нам основания говорить о «феномене Колесова» как о лингвисте-мыслителе, каких было очень немного в истории отечественного языкознания.

Россия, русские, русскость, начиная по меньшей мере с князя М. М. Щербатова, всегда были предметом философской рефлексии. Что нового может сказать на эту тему лингвист? Цель его — желание понять и объяснить коренные свойства русской духовности — ничем не отличаются от целей множества великих и не очень философов, историков и культурологов. Понять — значит выразить в понятии, но понятие — категория логическая, а не лингвистическая. Наконец, где, в каких источниках искать русскую духовность, ведь духовность — от слова *дух*, а дух, как известно, *дышит*, *идеже хоцет*.

Хорошо осознавая эти сложности, В. В. Колесов находит собственно лингвистический подход к решению поставленной задачи, который заключается

в следующем. Прежде всего, нужно отграничить ментальность от того, что на нее похоже, но ею не является: от типического и характерного, от идеала, от менталитета. Благодаря такому отделению становится ясной стратегия: «Задача же состоит в определении существенно цельных признаков ментальности, своего рода *инварианта народного сознания*, как он уясняется из данных языка и рисуется на основе всех проявлений “народного духа”» [Колесов, 2007(II), с. 17]. Или иначе: ментальность есть «способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения» [СРМ, т. 2, с. 531]. Чрезвычайно важным представляется разграничение понятий ментальности и менталитета, которые очень часто смешиваются. По Колесову, ментальность онтологична, она предсуществует в народном характере, воспитанном веками, и составляет его сущность, тогда как менталитет гносеологичен и представляет собой интеллектуализацию ментальности в отвлечении от нравственного чувства и воли.

У каждого народа свой инвариант, и его «ни похитить, ни подделать невозможно» [Колесов, 2007(II), с. 17], равно как и отделаться от него. В этом определении ментальности есть что-то роковое: мы можем мыслить, воспринимать мир так и только так, и всякие попытки мыслить иначе или заведомо обречены на провал и ничего, кроме мучений, не принесут, или грозят потерей национальной идентичности. Иначе говоря, ментальность сродни аристотелевской энтелехии — тому активному началу, которое превращает возможность в действительность, созидает историческое тело нации, выявляет себя в ходе истории.

Ментальность, как синоним духовности, находит свое выражение в историческом действии и слове; слово является хранителем ментальности, и это обстоятельство позволяет подойти к теме лингвистически. Слово же для автора — не звук пустой и не условный знак, а форма и образа, и понятия, и символа, исполненного бесконечным содержанием и как такового требующего истолкования; так определяется герменевтический подход к слову. Историческая взаимосвязь слова и дела требует исторической же перспективы для толкования. Живое слово существует лишь в текстах; репрезентативными для своей темы В. В. Колесов считает философские тексты: «...мы говорим о ментальности через рефлектирующую интуицию русских философов, которая основана на глубинных концептах русско-славянского слова» [Колесов, 2007(II), с. 4].

Затем необходимо найти язык описания ментальности. Этот язык В. В. Колесов находит в древнем споре реалистов, концептуалистов и номиналистов: отсюда он извлекает все термины языка описания — концепт, образ, понятие и символ. Исходным теоретическим пунктом для изучения ментальности является известный «семантический треугольник»: в отличие от многих исследователей, В. В. Колесов рассматривает его не как данность, а как заданность, когда согласованность отношений **слова**, **вещи** и **идеи** достигалась в ходе сложного исторического процесса, обусловившего те «начала», которые стали определяющими для русской ментальности: это глагольность, диалогичность, символичность русского слова, единство слова и дела (слово как «проект» дела, без которого оно — пустая болтовня), предпочтение красоты — поль-

зе, качества — количеству, живой целостности (синтетичность) — мертвой расчлененности (аналитичность), в частности, доверие к живому авторитету, а не к отвлеченной истине.

Утверждение о том, что ментальность находит свое выражение в формах родного языка, является слишком общим, надо еще найти ту единицу ментальности, которая и будет при помощи слова являться в формах образа, символа и понятия. Такой единицей является концепт. По Колесову, концепт следует возводить не к лат. *conceptus* 'понятие', а к лат. *conceptum* 'зерно, зародыш'. Именно он — концептум — и есть искомая единица ментальности. «Таким образом, концептум предварительно можно определить как *минимальный квант смысла — единицу сознания, не обретающую своей формы*. Концептум — не понятие, а сущность понятия, смысл, лишенный пока формы: свернутая точка возможных смыслов» [СРМ, т. 2, с. 534]. Концептум, как и всякое зерно, не видим, скрыт под землей, но как зерно прорастает в ствол с листьями, цветами и плодами, так и концептум «прорастает» в образ, понятие и символ; языковым носителем этих форм ментальности является слово. Концептум устойчив, постоянен, неподвижен, то есть «вечен»; именно поэтому все исторически изменчивые формы его проявления в слове сохраняют единство, так как все они отнесены к одному внеисторическому концептуму. Сам концептум апофатичен, катафатическим приближением к нему являются представленные в «Словаре» исторически засвидетельствованные в текстах формы его проявления в слове — образ, символ и понятие. Апофатичностью концептума определяется интересная особенность «Словаря русской ментальности»: это не справочник, по отношению к которому читатель занимает пассивную позицию потребителя; он требует от читателя ответного творческого усилия для реконструкции концептума, предлагая ему для этого весь (или почти весь) необходимый языковой и текстовый материал. Концептум оставляет «следы» в словесной культуре народа; «Словарь» собирает и представляет эти «следы»; читатель идет по «следам» и по мере своих сил, творческих возможностей и воображения восходит к концепту как первосмыслу собственной культуры. Такими «следами», или формами проявления концептума, являются этимон слова, переносные значения слова, словообразовательные связи в пределах словообразовательного «древа», системные синонимические и антонимические отношения слова, сочетаемость слова, гипер-гипонимические отношения [см.: СРМ, т. 2, с. 537].

В развитие теории в Приложении освещаются некоторые частные проблемы: соотношение понятий концептума и внутренней формы слова, значения и смысла, синкретизма и многозначности, историческое значение тропов — метонимии, синекдохи, метафоры, иронии — в семантическом развитии слова. Из этих частных вопросов хотелось бы остановиться подробнее на понятии семантической парадигмы, которую авторы словаря определяют следующим образом: «Семантическая парадигма образуется общностью *корня*, то есть сводит все однокоренные образования к единому концептуму» [СРМ, т. 2, с. 550]. Далее на примере слов *притькнуть* — *притьча* — *притьчина* — *притьчинный* — *притьчинность* показано, как выраженный корнем концептум являет себя в последовательных формах образа (*притькнуть*), символа (*притьча*), обособленного признака (*притьчинный*) и, наконец, «дозревает» до отвлеченного

понятия (*причинность*). При полном согласии с этим хочется спросить: как быть с другими членами этой семантической парадигмы, то есть со словами *тыкать, точка, точность, ткать, ткань, сутки, дотошный*? Если исходить из определения, то эти слова тоже как-то выражают единый концепт, однако в тексте Словаря имеются отдельные словарные статьи **Притча, Причина, Причинность, Точка, Точность, Дотошный**. Если *точка* и *притча*, будучи этимологически однокоренными, выражают разные концептумы, то однокоренные слова *потеха* и *утеха* едва ли можно считать выразителями разных концептумов, на что указывает сходство их толкований [см. СРМ, т. 2, с. 72 и с. 440], тем не менее они, к нашему удивлению, образуют отдельные словарные статьи. Таким образом, выявляется внутренняя противоречивость теоретических основ Словаря: с одной стороны, если это словарь ментальности, а единицей ментальности является концептум, то каждая словарная статья должна быть посвящена отдельному концептуму; с другой стороны, если утверждается, что все однокоренные образования сводятся к единому концептуму, то они должны быть помещены в одной словарной статье, чего на деле мы не наблюдаем. Выход из этого противоречия, на мой взгляд, в том, чтобы признать, что концепты имеют внеязыковую, нелингвистическую природу, что **разные** концепты могут найти выражение в **однокоренных** словах (*причина* и *точка*) и **один** концепт в разных словах, то есть в том, чтобы отказаться от понятия семантической парадигмы. Это понятие будет полезным в словаре другого типа — историко-словообразовательном, а не в словаре ментальности.

Нужно согласиться с авторами в том, что нельзя «поставить знак равенства между любыми единицами смысла и назвать их все концептами» [СРМ, т. 2, с. 538]. В таком случае возникает естественный вопрос о принципах построения словника «Словаря», о принципах отбора слов — носителей концептов. Как видно из последнего раздела Приложения «Семантика», из трех видов явления концептума — образа, понятия и символа, которым соответствуют три ипостаси существования слова — корень, термин и имя, предпочтение отдается именам. Корень дает лишь *образ* понимания концептума, термин истончает его до строго определенного *понятия*, тогда как имя является полным выражением национального концептума, *символически* представляющее и психологический образ, и логическое понятие и потому неисчерпаемое в толковании. Однако и среди имен не все удостоились чести попасть в Словарь, ибо «предпочтение отдавалось *концептуальным именам*, которые в общей структуре максимально вбирают в себя все содержательные формы концепта — образ, понятие и символ — и тем самым приближаются к выражению самого концептума» [СРМ, т. 2, с. 547]. На этом основании в Словарь не включены глагол *водить* (образ), причастие *водящий* (понятие), но внесены имена *вождь* и *вожак*. Таким образом, «Словарь русской ментальности» не является ни русским корнесловом, ни словарем отвлеченных понятий; это — словарь концептуальных имен.

Как же решить, какое имя концептуальное, а какое — нет? Например, после слова *кровь* следует слово *кротость*. В толковом словаре русского языка между ними (исключая заимствованные лексемы) находятся такие имена существительные, как *крой, кройка, крома, кропание, кропило, кро-*

потливость, крот и их производные; между *ложь* и *ломка* такие имена, как *лоза, локоть, лом* и их производные. На память приходят и кромешный ад, и крот как символ слепоты (у Чехова в «Дуэли»), и лоза как символ Христа (в евангелии), и выражение *чувство локтя*. Это все не имеет отношения к русской ментальности? Или выражаемые ими концептумы имеют еще какое-то другое выражение, нашедшее отражение в «Словаре»? И вообще: надо ли полагать, что «Словарь» отражает **все** концептумы русской ментальности? Является ли список концептумов принципиально открытым или закрытым?

Нет достаточного объяснения тому, на каком основании в словарь *русской* ментальности одни заимствованные слова включены (*ад, ангел, балаган, баня, буква, варварство, витязь, деньги, дьявол, идея, изба, икона, кавардак, кумир, София, тюрьма, хам, шабаш, ярлык*) а другие — нет. Хотя в «Предисловии» сказано, что «слова, которые сегодня осознаются как заимствованные, за редкими изъятиями из Словаря исключены, хотя и они пронизаны воздействием русской ментальности, пропитаны “русским духом”» [СРМ, т. 1, с. 3], этого недостаточно для понимания причины того, почему приведенные выше в скобках слова оказались на особом положении.

При просмотре словника обращает на себя внимание его неоднородность: с одной стороны, это такие «вкусные», пропитанные истинно русским духом слова, как *баба, болван, блажь, буйство, восторг, дотошный, жалость, жопа, запанибрата, изгой, истошный, кузька, лохмотья, мецанство, навет, отвага, подвиг, потачка, потеха, удаль, угрюмство, хануга* и многие другие; их «русскость», их непереводаемость, их принадлежность к русскому способу мыслить мир не вызывает сомнений; с другой стороны, это слова типа *влияние* (= лат. *influxio*), *время* (= лат. *tempus*), *голод* (= франц. *faim*), *причинность* (= англ. *causality*) и другие подобные. Понятно, что авторы хотели показать, как концептум «дорастает» до понятия, как слово становится термином, выражающим общечеловеческие категории разума, однако какое это имеет отношение к **русской** ментальности? Может быть, стоило *причину* и *причинность* совместить в одной словарной статье? Во всяком случае, соотношение «родного» и «вселенского» в Словаре надо было как-то оговорить.

Изложенные принципы нашли свое выражение в структуре словарных статей и в самом их содержании.

Что касается структуры, то в ней представлены: а) концептуальное значение заголовочного слова, б) этимология слова, в) постоянные эпитеты слова, г) метонимические смещения и метафорические замещения слова в современном употреблении, д) иллюстративный материал, е) замечания авторов о развитии концептума, когда прочих материалов недостаточно. В совокупности это те самые «следы» концептума в словесной культуре народа, о которых говорилось выше; собранные вместе под одним заголовочным словом они дают читателю достаточный материал для восхождения к концепту. Авторы подчеркивают, что воссоздание концептума «ведется как составителями словаря на основе классических текстов, так и творческим усилием читателя; объемность представления и его глубина прежде всего зависят от работы языкового сознания пользователя» [СРМ, т. 1, с. 14]. Только на таком синергичном пути возможно приобрести новое знание.

Чтение словарных статей убеждает в том, что жизнь во всех ее проявле-

ниях — личная, общественная, государственная, историческая — движется противоречиями, оттого и ментальность народа антиномична. Поэтому авторы уделяют большое место анализу тех исторических обстоятельств и феноменов, которые обусловили своеобразие антиномичной русской ментальности: это государство и общество, народ и государство, язычество и христианство, нация и государство, общество и личность, город и деревня, культура и цивилизация и др. При этом авторы не идеологи, отрицающие одну часть антиномии ради утверждения ценности другой. С идеологической точки зрения «Словарь русской ментальности» кажется рыхлым и противоречивым; читатель, ждущий идеологической определенности, будет разочарован. «Словарь» построен не по идеологическим, а по лингвистическим законам, основу которых составляет семантический треугольник. Для номиналиста существует только связь слова и вещи, тогда как для реалиста, каковым является Колесов, связь тройная — это связь слова, вещи и идеи, и только с позиций реализма становится понятной видимая противоречивость русской ментальности. Так, государство как **вещь** может вызывать у русского человека резкую неприязнь вплоть до анархизма и разрушительного бунта; но государство как **идея** пробуждает в русском человеке государственный инстинкт, понуждавший его защищать государство не щадя живота и раздвигать его пределы до двух океанов (см. статью **Государство**). Так, и отношение к Церкви как **вещи** может доходить до кощунственного непотребства, а отношение к Ней же как **идее** порождает благочестие, нередко доходящее до пределов жертвенности (см. статьи **Вера, Кощунство, Святость**). И если кому-то непонятно, как один и тот же народ мог защищать советское государство в последнюю войну и с упоением разрушать его в недавние 90-е годы, пусть почитает «Словарь русской ментальности» и тогда поймет, что защищали *идею*, каким бы отвратительным ни было ее воплощение, а разрушали малоприятную *вещь*.

Справедливость словарного анализа подкрепляется обильно цитируемыми текстами русских мыслителей, в которых находят выражение обе части антиномии: государственничество и анархизм, благочестие и атеизм, национализм и универсализм, тоталитаризм и либерализм, западничество и славянофильство и т. д. Сама же антиномичность русской ментальности, по утверждению Колесова, имеет свои началом — русский язык и языковой реализм, со времен средневековья утвердившийся у нас в противоположность западному номинализму.

Нет смысла пересказывать отдельные словарные статьи, даже недостатки которых могут обернуться для читателя пользой, так как в споре с авторами словаря также может рождаться новое знание, в чем, собственно, и заключается их, авторов, цель. Но есть смысл сделать одно предупреждение: не стоит приобретать Словарь для того, чтобы поставить его на полку рядом с другими словарями, энциклопедиями и справочниками, к которым мы обращаемся по мере необходимости. «Словарь русской ментальности» — это не справочник, а книга для чтения — вдумчивого, медленного, сопровождаемого медитациями на основе собственного культурно-языкового опыта. Тем же, кто профессионально занимается исследованием духовной культуры русского народа — философам, этнографам, историкам, литературоведам,

лингвистам — Словарь послужит ценнейшим источником как разнообразных сведений, так и творческого вдохновения.

Василий Розанов однажды заметил, что хорошо бы отдать Россию немцам: они завели бы у нас фабрики, биржи, а мы научили бы их играть на бала-лайке и даже попытались бы объяснить, что такое душа. «Словарь русской ментальности» — это и есть попытка объяснить, что такое русская душа, объяснить прежде всего нам самим, а потом уже и всем, кто этого пожелает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. «Словарь русской ментальности». В 2-х тт. СПб., 2014. (СРМ).
2. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... СПб., 1999.
3. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
4. Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка СПб., 2007 (I).
5. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте СПб., 2007(II).
6. Колесов В. В. Русская речь вчера, сегодня, завтра. СПб., 1998.
7. Колесов В. В. Слово и дело СПб., 2004.
8. Колесов В. В. Философия русского слова СПб., 2002.

Поступила в редакцию 29.01.2015